

Анатолий Ким — главная нота

В мощной, художественно впечатляющей «партитуре» произведений, созданных Анатолием Кимом, есть, на мой взгляд, главная для этого писателя нота. Она определяет основную цель и направленность его творческого поиска, пути, и речь в этих заметках пойдет именно о ней, о главной ноте. Уже в повести «Соловьиное эхо», достаточно ранней, молодой для А. Кима, можно прочесть слова важные, весомые, заставляющие на миг прервать чтение, вдумываясь в них. Герой повести, некто Отто Мейснер, думает о том, что «все... суетятся от младенчества до старости в тревожных поисках хлеба насущного и существуют, если представить абстрактно, перемещаясь лишь в направлении горизонтальном. В то время как человек, рожденный под этим высоким именем, должен бы устремиться бесконечно ввысь по вертикали».

Самая крутая «вертикаль» человеческого духа - творчество, считает Анатолий Ким. Восторженный, взволнованный гимн преображению, **оплодотворению** жизни силою искусства часто звучит у А. Кима, а в повести «Поклон одуванчику» мы просто встречаем прямое, подчеркнутое противопоставление «гостей из будущего» (художников) и «грубой свалки мира». Да, похоже, что это любимая анти-теза Кима; и, самоопределяясь в ней, он тем самым находит, метит главное в земной жизни нашей.

Ведь именно мощью и магией творчества замыкается в «Соловьином эхе» цепь поколений, цепь рода Мейснеров. Замыкается, заканчивая исповедь человеческого сердца, вдруг почувствовавшего, что оно не одиноко, что все и вся в этом мире соединено, взаимосвязано. Что судьба и жизнь не рвутся, не уходят в пустоту, а перебрасываются золотым мостом к потомкам, ибо в каждом поколении добрые, честные и справедливые люди (не род ли это, широчайший, безмерный, но внутренне единый?) загадывают, в общении, одни и те же загадки бытия. Свет их решений - словно цепочка факалов, освещающих один и общий путь. Путь, по которому идет человечество.

Эта мысль - точно страстный и напряженный голос туго натянутой струны. Он очень часто слышен в произведениях Анатолия Кима, и потому так закономерны, почти ожидаемы оказались его слова, нечаянно увиденные в одной из журнальных статей писателя. «С... уходом человека не уходят те **общечеловеческие заботы** (подчеркнуто мной. - И.Ш.), с которыми он был связан, и живущим далее все же придется постигать, почему происходит то или иное явление».

В прозе Анатолия Кима все время происходит, в общем, одно и то же (в высшем, разумеется, смысле, а не в том, что исчерпывается одной фабулой). Идет борьба, война меж мелочами, пеной и му-

сором быта и красотой бытия, тем зени-том человеческого духа, к которому и должна устремляться его «вертикаль». Каждому вольно избирать то или иное, но выбрав один быт, подчинившись липкой силе его засасывающей инерции, ты в сущности предаешь саму жизнь, ее цвет, ее радость, все лучшее, что в ней есть. Подлинные, истинно дорогие ценности обесцениваются, все будто выцветает, линяет. От человека

уходят страсть, полнокровие желаний и стремлений - взамен их появляется вялая анемия полусна, полубодствования, в которой не свет, а вечные полусумерки да тоскливый, ритуальный «распорядок».

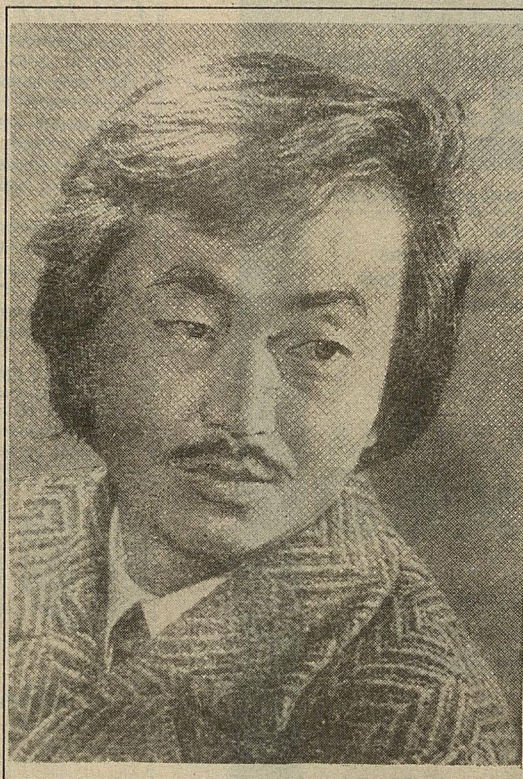
Но уж коли выбрано бытие, «вертикаль», то упрямая и веселая сила жизни (настоящей жизни!) подчинит себе все, все возьмет в свой полон! Так молодость, сила и страсть Отто Мейснера разрушили в «Соловьином эхе» по-немецки педантичное предписание, в котором по пунктам указывалось, что надобно делать герою. Жизнь полнее и шире самых предусмотрительных предписаний, тем-то она и хороша, надо только не бояться отдаться силе ее потока!

Собственно, лишь при таком условии, с такого момента, считает Анатолий Ким, и возможно творчество - венец и цвет человеческого существования.

Потому, например, главную тему повести «Поклон одуванчику» я склонен усматривать в борьбе с «неукоснительным» для людей злом, «тусклым и нудным» (та самая пена быта!). Главный герой и борется. Поэзией... Его, этого самого ефрейтора Чекина, кредо таково - настоящая, полная жизнь возможна тогда, когда «каждый может писать стихи».

Не то чтобы вся жизнь, какая она есть, равна творчеству, измерима им, но просто творчество - наиболее живая жизнь, предельно яркое ее проявление, ибо вбирает в себя, как ему и должно, самую мудрую мудрость, самую храбрую храбрость, самую любящую любовь.

Я неспроста о самой храбрости творчества. Творчество немисливо, невозможно без нее, и потому Чекин в конце концов приходит к выводу, что «надо быть, наверное, очень смелым и ничего не бояться,

чтобы стать поэтом. Правде надо смотреть в глаза. Правду говорить себе и другим».

Вся соль тут, конечно, в добавлении «и другим», так как об этом, в сущности, вся повесть «Поклон одуванчику». Герой начинает в ней с гордого, но неглубокого противопоставления, разведения искусства и жизни, собственных стихов и «прозы действительности», да понимает потом (пришлось понять!), сколь ошибочно и опасна такая дилемма. Слово должно быть **для кого-то и зачем-то**, осознает Чекин, а просто так, одинокое, голое, существующее «само по себе», оно не нужно никому, ибо оно тогда - **безответно**.

Суть и смысл всякого человеческого деяния - в его слиянии с миром. В финале «Поклона одуванчику», испытав творческую жажду героя гордым отшельничеством, Ким, ликуя, празднует его поражение. Поражение, обернувшееся победой. Все - благо; все - поэзия!.. «Препесьт мира, составленного из разных отдельных существ, состоит именно в том, наверное, что каждый способен сам выразить свою тайну... И не может не свершиться творчество, не существует для него угроз и страха, и одолеет оно все на своем пути!».

Это звучит и как заклинание на все (!) будущие времена, и как горячая благодарная молитва, сорвавшаяся с губ в тот миг, когда открылось и взору, и душе: подлинно живая, горячая жизнь - уже творчество.

Анатолий Ким очень верен этой идее... Именно из нее, полагаю, выросли рассказы «Забитая станция», «Белокаменные храмы», «Новая религия», «Верзилово», «Цунами». В последнем, в этой исповеди бывшего физика, впрямую, без каких-либо обиняков, говорится о самом великом, может быть, и, наверное, самом трудном искусстве - **искусстве жить**. О том, что владеет им лишь тот, кто

не робеет перед «первозданным своим правом быть счастливым». Рефлексией, томи-тельным и вечно настороженным, пугливо озирающимся рассудком нетрудно лишить бытие самой его сердцевины, вечно обновляющейся и вечно праздничной. Человеческая душа тогда словно цепенеет, застывает - какое уж тут творчество! Вместо него обретается совсем иное. «Первозданное свое право быть счастливым я высушил, как бобы, перемолол в кофемолке и получил немного сухого интеллектуального порошка, в котором можно разве что оставить отпечаток руки с растопыренными пальцами. И то была бы каинова печать моего бесплодия».

Стиль Анатолия Кима. Вот лишь несколько и, право, показательных примеров.

«...Земля, на которой я стоял, была такая чистая, что ее можно было поцеловать». Это фраза из «Поклона одуванчику», и, по-моему, она превосходна... Ким способен коротко заметить, что «дереву никогда не бывает злым», и эта простая глубина прекрасна. Она - от тонкости чуткой, искренней души и «мудрости» самого взгляда окрест, когда «мелочей» нет, и все - **главное**.

В «Соловьином эхе» Отто Мейснер «увидел село, незаметное с пристани: множество тускло освещенных изнутри окон, прячущихся среди мокрой зелени кустов и деревьев. Провожатых вели... мимо этих низких, в частом переплете желтых окон. Влажная листва перед ними была налита изумрудным сиянием». И «изумрудное сияние», и то, что листва была им «напита», радуют точностью, простотой и тем неподдельным, сразу же ухватываемым чувством, которое в хорошей прозе как бы залито между строк, «спрятано» в словах, нигде не высовывается наружу, но ощущается незамедлительно, мгновенно. То же впечатление - от подлинно замечательных полотен, картин - недаром Ким учился некогда в художественном училище! Он прекрасно знает цену точной, безошибочно найденной детали окружающей действительности, запечатленной словом, фразой как ударом кисти, мастерским мазком.

В сущности это все то же поклонение, благодарность красоте и силе жизни, прекрасной всегда. Она - вокруг нас, и надо только стать с нею вровень, чутко, благодарно глядя окрест. Надо слушать свою душу, ее внутренний пульс и голос.

Ведь от тех троп и путей, которые каждый выбирает сам, на свой лад и манер, от того, насколько он верен голосу, зову души, зависит в конце концов, будет ли счастлива дорога... Важен даже не итог пути, не то, куда он приведет человека; куда важнее само чувство, которым дорога полнит идущего... И высшее счастье, высшая радость тут - свобода, вольная естественность шага, никем и ничем не навязанного.

Игорь ШТОКМАН.